

УДК 338.24(571.62)

Регион: экономика и социология, 2019, № 2 (102), с. 56–79

Н.Н. Михеева

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: КРИЗИСЫ И ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОСТА

В статье рассмотрены основные черты экономических кризисов 1998, 2009 и 2015 гг., проанализирована динамика основных показателей социально-экономического развития регионов в условиях кризиса и на этапе выхода из него. Показано, что все кризисы обусловлены структурными факторами: диспропорциями отраслевой структуры, слабостью финансового сектора экономики, слабыми институтами. Модель экономики, ориентированная на экспорт ресурсов, оказалась неустойчивой к внешним шокам. Кризисное падение во всех случаях начиналось с регионов, в наибольшей мере зависящих от внешнеэкономической конъюнктуры, – со столичных агломераций и нефтегазодобывающих регионов. Однако более глубокий спад производства и медленное восстановление экономики отмечались в регионах, ориентированных на внутрисистемный спрос. После кризиса 2009 г. во всех федеральных округах уменьшается размах колебаний темпов. Падение производства в кризис становится меньше, но последующий подъем также невысок. В статье оценено влияние на региональную экономическую динамику общенациональных трендов и особенностей структуры производства в регионах. Показано, что в кризисных условиях усиливается межрегиональная дифференциация темпов роста и возрастает значение собственно региональных факторов. Вкладом региональных факторов определяется устойчивость экономики к кризисным шокам. Рассмотрены пропорции распределения доходов между домохозяйствами и бизнесом, так как их изменение определяет динамику потребительского и инвестиционного спроса. Показано, что перераспределение доходов в пользу бизнеса не является фактором роста инвестиций. Региональная структура инвестиционного спроса

са не имеет прямой связи с региональной структурой доходов бизнеса. Особенность кризиса 2015 г. состоит в том, что адаптация конечного спроса к внешним шокам и понизившемуся курсу рубля после девальвации происходила путем сжатия как инвестиционного, так и потребительского спроса. Наибольшую устойчивость к кризису демонстрирует реальный сектор экономики, докризисные показатели промышленности в 2018 г. превышены во всех федеральных округах.

Ключевые слова: экономический кризис; восстановление экономики; региональный рост; доходы домохозяйств; доходы бизнеса; потребительский спрос; инвестиции

Для цитирования: Михеева Н.Н. Экономическая динамика российских регионов: кризисы и пути восстановления роста // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 56–79. DOI: 10.15372/REG20190203.

В постсоветский период российская экономика пережила три экономических кризиса: кризис 1998 г., который завершил трансформационный спад экономики, кризис 2009 г., на который наложился мировой кризис 2008–2009 гг., и кризис, начавшийся в конце 2014 г. Последний был спровоцирован внешними обстоятельствами, хотя условия для него сложились внутри российской экономики. Эти кризисы различались внешними и внутренними факторами, адаптационными механизмами, при помощи которых экономика приспосабливалась к кризису и которые использовала для выхода из него, а также проводившейся экономической политикой.

Особенности всех трех экономических кризисов и макроэкономической политики на федеральном уровне подробно проанализированы [1; 2; 4; 12; 15; 16; 20]. Кризис 2014–2015 гг. вызвал новую волну публикаций, в которых рассматриваются механизмы и специфика кризисов российской экономики в целом.

В литературе проанализированы региональные аспекты трансформационного спада российской экономики¹, кризиса 2008–2009 гг. и антикризисной политики в этот период [3; 5]. Рассмотрена регио-

¹ См.: Михеева Н.Н. Региональные пропорции экономического роста в России // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 225–243.

нальная проекция экономических кризисов с позиции формирования занятости, производства, доходной и расходной частей региональных бюджетов [6; 8]. Меньше внимания уделяется анализу влияния макроэкономических условий на формирование региональной динамики. Именно эти аспекты экономического развития регионов в условиях кризисов и последующего восстановления экономики рассматриваются в настоящей статье.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКИХ КРИЗИСОВ

Кризис 1998 г. стал низшей точкой в падении российской экономики, сопровождавшем экономические реформы. Объем российского ВВП составлял в 1998 г. 57,5% от уровня 1990 г. Трансформационный спад 1990-х годов был обусловлен внутренними причинами – сломом прежней системы хозяйствования, а также накоплением структурных проблем в процессе создания рыночной экономики: упрощением отраслевой структуры, деиндустриализацией экономики, гипертрофированным развитием торговли и секторов коммерческих услуг, увеличением в ВВП доли добывающей промышленности в ущерб обрабатывающей, слабостью финансового сектора экономики, а также слабыми институтами, неспособными обеспечить благоприятный инвестиционный климат.

События собственно 1998 г. рассматривались прежде всего как результат финансовой разбалансированности российской экономики, когда на кризис государственных финансов, приведший к дефолту, наложился кризис азиатского кризиса. Восстановление экономики после кризиса 1998 г. и последующий экономический рост в рамках экспортно-сырьевой модели усугубили имеющиеся диспропорции. Тем не менее при сложившихся внешних для России условиях экспортно-сырьевая модель позволила обеспечить достаточно высокие темпы роста экономики и опережающий стабильный рост доходов населения: в 2008 г. ВВП увеличился по сравнению с 1998 г. в 1,9 раза, реальные доходы населения – в 2,2 раза. Несмотря на высокие темпы роста уровень ВВП 1990 г. был достигнут только в 2007 г.,

в пиковой точке экономического подъема в 2008 г. он превышал показатели 1990 г. на 12,9%.

Модель экономики, ориентированная на экспорт ресурсов, оказалась крайне неустойчивой к внешним шокам. Таким шоком стал мировой кризис 2008–2009 гг. Падение российской экономики не было столь катастрофичным, как в 1990-е годы, в 2009 г. ВВП сократился на 7,8%, докризисные показатели были достигнуты уже в 2011 г. Однако ни одна из отмеченных выше структурных проблем не была разрешена, что подготовило почву для следующего кризиса.

Кризис 2014–2016 гг. также был спровоцирован внешними факторами – экономическими санкциями и падением цен на нефть, однако стагнация производства и снижение инвестиций начались еще в 2012 г. Предпосылки для нового кризиса, связанные с исчерпанием возможностей экспортно-сырьевой модели, нарастающими структурными диспропорциями, сложились внутри российской экономики [10; 11; 18; 19]. Пик падения производства пришелся на 2015 г., появившиеся в 2016–2018 гг. признаки оживления экономики свидетельствуют скорее о ее стагнации, чем о начале экономического роста.

Все три кризиса имеют сходную последовательность событий, характеризующих нарушение макроэкономического равновесия и его последующее восстановление на новом уровне. Во всех случаях внешним шоком явились некоторые события в мировой экономике, результатом которых было снижение цен на углеводородное сырье. Экономика России из-за ее сырьевой экспортной специализации и структурных диспропорций очень чувствительна к внешнеэкономической конъюнктуре. Внешний шок приводил к разбалансированности финансовой системы, и эта разбалансированность через механизмы антикризисной макроэкономической политики и действия всех игроков на рынке, реагирующих на изменение внешнеэкономических условий, перерастала в общеэкономический кризис. Таким образом, все три кризиса начинались с падения цен на нефть, сопровождалась сокращением выпуска, обесценением сбережений и перераспределением добавленной стоимости между домохозяйствами и бизнесом.

Интенсивность этих процессов специфична для каждого из кризисов, тем не менее их последовательность одинакова. Восстановление

равновесия на новом уровне происходит путем перераспределения доходов между институциональными единицами, путем изменения спроса и относительных цен. Изменение пропорций распределения доходов между бизнесом, домохозяйствами и государством меняет в том числе и пространственные пропорции.

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ

В зависимости от особенностей регионального хозяйства, прежде всего от структуры производства, регионы по-разному реагировали на шоки, исходящие от внешних для страны условий, макроэкономической политики и системы антикризисных мер, принимаемых на федеральном уровне. Общие черты и особенности развития крупных географических ареалов страны прослеживаются при анализе экономической динамики в федеральных округах.

Опубликованная статистика не позволяет отследить региональную динамику за весь постсоветский период, поэтому мы рассматриваем рост экономики российских регионов с нижней точки трансформационного кризиса – 1998 г., когда после относительной стабилизации в 1997 г. российский ВВП сократился на 5,3%, падение суммарного по РФ объема ВРП было еще больше – 6,5% (табл. 1)².

Наиболее сильный удар кризис 1998 г. нанес по экономике промышленных Приволжского, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов, темпы экономического роста которых после кризиса также оставались ниже среднероссийских. В кризис 2009 г. максимальное сокращение производства произошло в Центральном и Уральском округах, экономика которых в наибольшей мере зависела от внешнеэкономической конъюнктуры. После кризиса 2009 г. наблюда-

² В таблице и в тексте показатели, характеризующие кризис, приводятся за год, в котором отмечались минимальные для данного периода значения либо максимальные в случае подъема. Так, реально кризис начался еще в 1997 г., однако нижняя точка в падении производства пришлось на 1998 г. Аналогична ситуация с кризисом 2008–2009 гг.: несмотря на то что кризис начался в 2008 г., в качестве кризисного приведен 2009 г. В кризис 2014–2015 гг. падение производства произошло только в 2015 г.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста ВРП в федеральных округах, %*

Федеральный округ	1998	1999–2008	2009	2010–2014	2015	2016	2017	2016–2017	1999–2017
РФ	–6,5	7,2	–7,6	3,2	–0,6	0,8	1,8	0,7	4,3
ЦФО	–5,4	8,4	–10,8	2,8	–0,7	1,3	1,9	0,8	4,6
СЗФО	–4,4	7,4	–5,1	3,1	1,5	1,7	0,5	1,2	4,6
ЮФО	–5,9	8,1	–7,2	4,3	–0,5	1,3	3,0	1,3	5,1
СКФО	–4,9	9,1	1,2	4,3	–0,2	0,9	1,1	0,6	6,0
ПФО	–8,1	6,2	–7,5	4,1	–1,3	0,0	1,4	0,0	3,9
УрФО	–6,5	6,7	–8,0	2,8	–1,2	0,3	3,0	0,7	3,9
СФО	–7,8	6,1	–4,1	3,2	–1,2	0,3	2,3	0,5	3,9
ДВФО	–7,6	5,4	1,5	2,3	0,7	0,3	–0,2	0,3	3,5

* Расчеты автора на основе данных Росстата.

ется уменьшение размаха колебаний темпов, кризисные падения меньше, но последующий подъем также невысок, динамика становится более «вязкой». Эта же особенность характерна и для других федеральных округов.

Экономическая динамика Центрального федерального округа и глубина падения производства в округе определяются ситуацией в Москве. Аналогичным образом на динамику Северо-Западного округа сильное влияние оказывает экономика Санкт-Петербурга. Столичные агломерации оказались наиболее чувствительны к внешним шокам, особенности их экономики, включая динамику в условиях кризисов, подробно проанализированы [7; 9; 13; 14].

Несмотря на разные масштабы кризисного падения и восстановления экономики, в целом за период среднегодовые темпы прироста ВРП в Центральном, Северо-Западном, Южном и Северо-Кавказском федеральных округах были выше средних по стране, в Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном – не достигали среднероссийского показателя. Отставание округов, расположенных в восточ-

ной части страны, накапливалось в течение всего постсоветского периода и обусловило сдвиг производства и населения из восточной части страны в западную.

Региональная динамика складывается под воздействием двух взаимосвязанных факторов: общенациональных условий, включая макроэкономическую политику, определяющих общенациональный тренд, и региональных условий, характеризующих особенности отдельных регионов, включая структуру производства, производственный и человеческий потенциал, инфраструктурные ограничения, объемом регионального рынка, агломерационные процессы. Расчеты вклада общенациональных и региональных факторов в динамику ВРП, проведенные методом структурных сдвигов³, показывают, что в целом для периода 2004–2017 гг., для анализа которого доступны статистические данные, доминирование общенациональных факторов оказывается абсолютным во всех федеральных округах.

Опережающие по сравнению со среднероссийскими темпы у Северо-Кавказского, Южного и Северо-Западного федеральных округов были обеспечены за счет вклада региональных факторов. В восточных округах вклад фактора региональной структуры, характеризующий соотношение быстро растущих отраслей в регионе и в стране в целом, оказывается отрицательным. Так как наиболее высокими темпами росла добавленная стоимость в секторах коммерческих услуг – торговле, операциях с недвижимостью, финансовом секторе, то высокая доля промышленности в крупных индустриальных центрах являлась фактором, определяющим отрицательный вклад фактора отраслевой структуры и отставание от среднероссийских темпов.

³ Основная идея метода состоит в разложении приростного регионального показателя на три составные части: $= NS + MS + RS$, где NS – национальный компонент; MS – компонент отраслевой структуры (отраслевой сдвиг); RS – региональный компонент (региональный сдвиг). Особенности использования метода структурных сдвигов для оценки вклада национальных и региональных факторов в экономический рост см. в работах [21; 22]. Результаты расчетов для периодов высоких и низких темпов роста экономики представлены в работе: *Михеева Н.Н.* Макроэкономические эффекты структурных сдвигов в экономике регионов // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 4 (100). – С. 42–68.

Поскольку в условиях кризисов внешние шоки и макроэкономическая политика формируют общенациональные условия, то устойчивость экономики регионов к кризисным шокам определяется вкладом региональных факторов, что и подтверждается высокой долей в совокупном приросте ВДС региональных факторов Южного и Северо-Кавказского округов. Характерно, что в периоды низких темпов роста, когда вклад национальной составляющей мал, различия в темпах роста у регионов полностью определяются вкладом региональных факторов.

Картина становится более разнообразной при рассмотрении динамики на уровне субъектов Федерации, поскольку успешные и проблемные регионы имелись в каждом федеральном округе.

Кризис 1998 г. распространился на всю территорию страны, рост ВРП отмечался только в девяти из рассматриваемых 79 субъектов Федерации⁴. Влияние их на общероссийские темпы незначительно, их доля в суммарном ВРП составляла 3,8%. Реальные доходы населения упали на 16%, положительная динамика была отмечена в единственном регионе – Самарской области. Более благополучной была ситуация в промышленности, рост индекса промышленного производства отмечался в 27 регионах. Восстановление экономики и последующий рост также охватили всю территорию страны. Индекс ВРП в 2008 г. превысил показатель 1998 г. во всех регионах при сильной дифференциации темпов, ВРП в Республике Дагестан увеличился в 3,4 раза, в Магаданской области – на 3,5%.

Общероссийская динамика формировалась за счет быстро растущих, преимущественно крупных субъектов Федерации, занявших впоследствии лидирующие позиции в экономике. На долю 25 регионов, в которых темпы превышали средние по стране, пришлось более 54% ВРП, тогда как их доля в населении составляла 45,5%. Именно в этот период сложилась тенденция концентрации ВРП в крупнейших

⁴ Данные по Ненецкому АО включены в состав данных по Архангельской области, по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому АО – в состав данных по Тюменской области, Чеченская Республика из анализа исключена.

регионах, которая была обусловлена в значительной мере ростом не-промышленных отраслей – торговли и операций с недвижимостью.

Кризис 2009 г. также распространился почти повсеместно, положительная динамика ВРП сохранилась лишь в 14 субъектах Федерации, влияние которых на среднероссийские показатели было несущественным. Однако в большинстве регионов (в 58 из 79) ситуация была лучше, чем в среднем по стране, спад производства ВРП был меньше среднероссийского, т.е. общее падение производства обеспечивалось за счет крупнейших субъектов Федерации, включая Москву и Ханты-Мансийский АО, продемонстрировавших наименьшую устойчивость к внешним шокам.

Проводившаяся в 2009 г. антикризисная политика позволила избежать снижения реальных доходов населения в целом по стране, однако в половине регионов доходы населения падали, масштабы падения в отдельных регионах были значительными.

Докризисный уровень ВРП был восстановлен практически во всех регионах в 2011 г., но реальные доходы населения продолжали снижаться в 34 субъектах Федерации, инвестиции в основной капитал – в 10 регионах. В наиболее благополучные с точки зрения реальных доходов населения 2012–2013 гг. ВРП падал в 12–14 регионах, в еще большем числе регионов сокращались инвестиции. В отличие от динамики 1999–2008 гг. восстановление и экономический рост не были повсеместными, в довольно большом количестве регионов кризисная ситуация сохранялась на фоне общероссийского роста.

В кризис 2015 г. суммарный по регионам ВРП сократился только на 0,6%. Кризис был неглубоким, но распространился по территории всей страны, ВРП снизился более чем в половине субъектов Федерации, а падение доходов населения и инвестиций стало повсеместным. В 2016 г. зафиксированный в целом по стране прирост ВРП находился в пределах статистической погрешности (0,8%), ВРП продолжил падение в 30 регионах, ситуация с доходами населения продолжала ухудшаться. Кризис не углублялся, однако явных признаков восстановления также не наблюдалось. Реальное восстановление экономики началось в 2017 г., когда уровень 2014 г. в Приволжском федеральном

округе был восстановлен, а во всех остальных округах незначительно, но тем не менее превышен.

Отмеченные особенности региональной динамики являются результатом более глубоких процессов формирования и распределения доходов между институциональными единицами, которые определяют потенциальные ресурсы роста, а также формируют потребительский и инвестиционный спрос.

ПРОПОРЦИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОСТА ПОСЛЕ КРИЗИСА 1998 г.

Особенность кризиса 1997–1998 гг. состояла в том, что резкому падению производства в 1998 г. не предшествовал сколько-нибудь заметный экономический рост. Индекс российского ВВП снижался с 1992 г., положительная динамика впервые была зафиксирована в 1997 г. (+1,4%), но за ней последовало резкое падение в 1998 г. В связи с этим макроэкономические пропорции 1998 г. можно рассматривать как некий результат трансформационного спада, после которого начался восстановительный рост.

Для российской экономики в целом кризис 1997–1998 гг. привел к перераспределению доходов от бизнеса в пользу домохозяйств. В 1996 г. пропорция между оплатой труда наемных работников и валовой прибылью экономики и смешанным доходом (далее – доходами бизнеса) составляла соответственно 48,5 и 51,5%; в 2002 г., для которого имеются данные по регионам, их соотношение составляло 55,6 и 45,4%. Для суммарного по России ВРП эта пропорция в 2002 г. составила 40,3 и 59,7%⁵.

В силу особенностей трансформационного периода, изменения отраслевой структуры экономики регионы оказались в кардинально

⁵ При расчетах для экономики в целом Росстат в составе оплаты труда наемных работников учитывает не наблюдаемые прямыми статистическими методами оплату труда и смешанные доходы, которые по регионам не распределяются, чем объясняется обратная пропорция между доходами домохозяйств и бизнеса, фиксируемая на уровне регионов. Данные, касающиеся распределения суммарного ВРП, несопоставимы с данными по РФ, однако по регионам они сопоставимы.

различных условиях с точки зрения формирования ресурсов воспроизводства. Доля доходов домохозяйств в суммарных доходах, формируемых (зарегистрированных) на территории Центрального федерального округа, в 2002 г. была наименьшей среди округов – 33,7%, соответственно, на долю валовой прибыли и смешанного дохода приходилось 66,3% (табл. 2). Сравнимые пропорции существовали только в Северо-Кавказском и Уральском округах, во всех остальных доля доходов домохозяйств превышала 40%. Тем самым наиболее чувстви-

Таблица 2

**Территориальная структура формирования доходов и конечного спроса
в 1998–2008 гг., %***

Федеральный округ	Оплата труда наемных работников				Валовая прибыль и валовый смешанный доход**		Оборот розничной торговли			Инвестиции в основной капитал		
	Доля в ВДС, 2002	Доля в ВДС, 2008	Структура, 2002	Структура, 2008	Структура, 2002	Структура, 2008	2008 к 1998	Структура, 1998	Структура, 2008	2008 к 1998	Структура, 1998	Структура, 2008
РФ	40,3	41,0	100,0	100,0	100,0	100,0	259,1	100,0	100,0	314,7	100,0	100,0
ЦФО	33,7	35,6	27,8	34,2	36,9	43,1	187,4	41,6	32,0	282,3	30,4	25,9
СЗФО	49,2	46,9	12,2	11,7	8,5	9,2	256,1	9,2	9,7	457,5	8,5	11,9
ЮФО	41,5	39,7	6,1	5,9	5,8	6,3	323,6	6,4	8,5	230,2	6,7	8,0
СКФО	36,4	38,6	1,8	2,1	2,1	2,4	395,2	2,5	4,1	140,8	2,2	3,0
ПФО	42,5	42,4	18,0	16,0	16,4	15,1	260,1	17,0	18,1	314,8	19,0	16,9
УрФО	37,9	46,6	14,3	12,8	15,8	10,2	355,8	7,4	10,7	371,6	17,2	16,9
СФО	48,0	44,8	13,2	11,5	9,7	9,8	273,9	11,5	12,9	418,3	10,9	10,8
ДВФО	48,3	49,8	6,6	5,7	4,8	4,0	224,0	4,4	4,1	529,1	5,1	6,7

* Расчеты автора.

** Представлена доля оплаты труда наемных работников и валовой прибыли и смешанного дохода в их сумме.

тельная к изменению внешних условий и макроэкономической политике часть ВДС – валовая прибыль и смешанный доход концентрировались в Центральном (реально в Москве, 36,9%) и Уральском (реально в Тюменской области, 15,8%) округах. Сравнимой с показателем последнего оказалась только доля в валовой прибыли и смешанном доходе Приволжского округа (16,4%).

Масштабы концентрации первичных доходов населения были меньше, они в большей мере соответствовали распределению населения. Однако в результате межрегиональных перетоков доходов потребительский спрос концентрировался в Центральном федеральном округе (реально в Москве), на долю которого в 1998 г. приходилось 41,6% суммарного розничного товарооборота.

Быстрый восстановительный рост был обусловлен рядом факторов, имевших макроэкономический характер. Девальвация и обесценивание заработной платы снизили издержки предприятий и повысили их конкурентоспособность. Рост цен на нефть позволил рассчитаться с государственным долгом и направить часть экспортных доходов на повышение внутреннего спроса.

Основным драйвером роста выступал потребительский спрос, генерируемый растущими доходами населения. Несмотря на увеличение нормы накопления, склонность российского бизнеса к инвестированию оставалась невысокой, значительная часть прибыли изымалась в виде налогов и выводилась из страны [17].

Повышение конкурентоспособности предприятий привело к выравниванию относительных издержек производства по федеральным округам, доля оплаты труда в Центральном и Уральском округах повысилась, доля валовой прибыли и смешанного дохода, соответственно, снизилась. Для крупнейших индустриальных центров ситуация была обратной: доля валовой прибыли и смешанного дохода увеличилась. Несмотря на это, концентрация доходов в Центральном округе приняла гипертрофированные размеры, в 2008 г. в ЦФО было зарегистрировано 43,1% суммарной прибыли и смешанных доходов (в Москве 30,3%).

Рост доходов населения привел к диверсификации потребительского спроса. К 2008 г. доля Центрального федерального округа в сум-

марном показателе снизилась на 9,6 п.п. и стала примерно соответствовать его доле в населении и доходах домохозяйств.

В отличие от потребительского спроса распределение инвестиционного спроса между федеральными округами более диверсифицировано, несмотря на сверхконцентрацию прибыли в Центральном округе. Зарегистрированная в ЦФО прибыль, с одной стороны, питала отток капитала из страны, а с другой стороны, через инвестиции прибыль возвращалась в места, где располагалось реальное производство. Для всех федеральных округов, кроме Центрального, доля в инвестициях выше, чем в доходах бизнеса. К 2008 г. в структуре инвестиционного спроса снизились доли не только Центрального и Уральского, но также Приволжского и Сибирского округов в пользу Северо-Западного, Южного и Северо-Кавказского. Тем не менее в экономику ЦФО и УрФО было вложено соответственно 24,3 и 18,6% от накопленных за период инвестиций.

Особенностью кризиса 2009 г. является сохранение положительной динамики доходов населения, которые в 2009 г. увеличились на 1,8%. При росте доходов по стране в целом в Уральском федеральном округе реальные доходы населения в 2009 г. упали на 4,3%, в Сибирском – на 5,8%.

Несмотря на более равномерное распределение доходов домохозяйств по федеральным округам, динамика потребительского спроса в 2009 г. повторила ситуацию 1998 г. Максимальное падение розничного товарооборота отмечалось в Уральском и Сибирском округах, хотя причины для этого были разные. Для УрФО характерен значительный отток доходов населения из автономных округов; в СФО опережающее падение доходов привело к тому, что к 2009 г. даже номинальные среднедушевые доходы существенно отставали от среднероссийских.

Структура инвестиций в кризисных условиях практически не изменилась. Незначительное увеличение доли Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов произошло за счет бюджетных инвестиций.

Пространственная структура послекризисного восстановления экономики в 2010–2014 гг. отличалась от структуры роста в начале 2000-х годов. Потенциал экстенсивного экономического роста столичных агломераций за счет роста секторов коммерческих услуг во многом оказался исчерпанным, в результате после падения ВРП в 2009 г. темпы роста ВРП Центрального и Северо-Западного федеральных округов были ниже среднероссийских. Поменялся состав лидеров роста: опережающими темпами росла экономика Южного, Приволжского и Сибирского округов, где драйвером роста выступало в значительной мере обновленное после кризиса промышленное производство.

Темпы восстановления экономики после кризиса 2009 г. были ниже, чем в 1999–2008 гг., тем не менее динамика доходов населения в целом по стране вплоть до 2014 г. была положительной. Падение в 2014 г., как и во всех предыдущих случаях, началось с Центрального и Уральского федеральных округов. Доходы упали также в Сибирском округе, где тон задавали сильно зависящие от экспортных доходов Красноярский край и Кемеровская область.

Политика ослабления национальной валюты позволила в очередной раз повысить конкурентоспособность российских предприятий, что вместе с начавшимся ростом цен на сырьевые ресурсы и экспортных доходов изменило пропорции распределения добавленной стоимости в пользу бизнеса. Доля оплаты труда наемных работников к 2014 г. снизилась во всех федеральных округах, кроме Центрального и Северо-Западного. Максимальный рост доли прибыли и смешанных доходов был достигнут в Уральском округе. В структуре распределения валовой прибыли и смешанных доходов повысились доли Уральского и Приволжского округов, что в отличие от предыдущих периодов привело к увеличению их долей в инвестициях. Рост доли инвестиций в экономику Центрального округа происходил на фоне снижения его доли в доходах бизнеса. Ситуация, когда зарегистрированные в ЦФО доходы бизнеса слабо связаны с инвестициями в его экономику, опять повторилась. Увеличившаяся доля инвес-

Таблица 3

**Территориальная структура формирования доходов и конечного спроса
в 2009–2014 гг., %***

Феде- раль- ный округ	Оплата труда наемных работников				Валовая прибыль и валовый смешанный доход		Оборот розничной торговли			Инвестиции в основной капитал		
	Доля в ВДС, 2009	Доля в ВДС, 2014	Структура, 2009	Структура, 2014	Структура, 2009	Структура, 2014	2014 к 2009	Структура, 2009	Структура, 2014	2014 к 2009	Структура, 2009	Структура, 2014
РФ	43,8	42,6	100,0	100,0	100,0	100,0	129,4	100,0	100,0	124,9	100,0	100,0
ЦФО	39,8	42,3	33,6	35,1	39,6	35,5	131,3	32,4	32,3	136,6	24,2	25,7
СЗФО	48,4	49,9	12,0	11,8	10,0	8,7	126,4	9,7	9,4	114,6	11,7	10,1
ЮФО	43,7	40,7	6,4	6,7	6,4	7,2	136,8	8,5	8,8	142,9	8,9	10,0
СКФО	39,6	37,6	2,3	2,4	2,7	2,9	142,3	4,6	5,0	145,6	3,3	3,6
ПФО	45,4	41,9	15,8	15,3	14,8	15,7	133,1	18,2	18,6	139,5	16,0	17,2
УрФО	44,9	35,8	12,0	11,5	11,5	15,3	121,0	10,2	9,8	138,8	16,8	17,0
СФО	48,0	46,9	11,8	11,4	10,0	9,6	123,8	12,1	12,0	137,6	10,5	10,7
ДВФО	48,8	45,8	6,2	5,8	5,0	5,1	127,1	4,3	4,1	91,9	8,6	5,8

* Расчеты автора.

тий в ЦФО определяется бюджетными инвестициями в экономику Москвы (табл. 3).

ДИНАМИКА 2015–2018 гг.

Стагнация в экономике началась еще в 2013 г., поэтому кризис 2015 г. выступил как специфический структурный кризис, вызванный воздействием санкций и значительным падением цен на нефть. Адаптация конечного спроса к внешним шокам и понизившемуся

курсу рубля происходила путем сжатия как инвестиционного, так и потребительского спроса. Падение реальных доходов населения вместе с сокращением потребительского кредитования привело к уменьшению оборота розничной торговли и спроса на жилье. Снижение инвестиционной активности началось в 2014 г. и шло темпами, опережающими падение доходов населения. В отличие от предыдущего кризиса реальные доходы населения сокращались как за счет заработной платы, так и за счет социальных трансфертов.

Доля оплаты наемного труда в сумме доходов домохозяйств и бизнеса в 2015 г. уменьшилась по сравнению с предыдущим годом на 1,1 п.п., при этом в Уральском и Сибирском федеральных округах – на 2,5 п.п., в Северо-Западном – на 2,3 п.п. Перераспределение доходов в пользу бизнеса не привело к росту инвестиций, их падение продолжалось в 2016 г. Положительная динамика сохранялась только в Северо-Западном и Уральском округах за счет продолжения реализации крупных инвестиционных проектов, стартовавших ранее. Оживление в инвестиционной сфере началось в 2017 г. Объемы инвестиций значительно выросли в Южном округе за счет крымских проектов, в Центральном округе, где рост обеспечивали инвестиции в экономику Москвы, а также в Дальневосточном – за счет инвестиций бюджета и госкомпаний. В Приволжском округе падение инвестиций, начавшееся в 2015 г., продолжалось в 2016–2018 гг. (табл. 4).

В 2018 г. инвестиционный спрос на уровне 2013 г. восстановился в Центральном, Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном федеральных округах. В то же время в Приволжском и Сибирском округах инвестиции в 2018 г. сократились по отношению к 2013 г. соответственно на 17,6 и 12,1%, почти на треть упал инвестиционный спрос в Южном округе, однако это эффект статистический, имевший место на фоне колоссальных объемов инвестиций в 2010–2014 гг.

Падение реальных доходов населения продолжалось в 2016–2017 гг., некоторая стабилизация реальных доходов произошла в 2018 г. В 22 субъектах Федерации индекс реальных доходов был положительным, но в половине из них прирост находился в пределах 0,5–1%.

Признаки оживления потребительского спроса появились в 2017 г. Оборот розничной торговли увеличился во всех федеральных окру-

Таблица 4

Динамика показателей социально-экономического развития федеральных округов в 2015–2018 гг., %*

Федеральный округ	Промышленность		Обрабатывающие производства		Реальные доходы населения		Оборот розничной торговли		Инвестиции в основной капитал	
	2015	2018 к 2015	2015	2018 к 2015	2015	2018 к 2015	2015	2018 к 2015	2015	2018 к 2015
РФ	–0,8	7,4	–1,3	7,9	–4,1	–6,1	–10,0	–0,8	–10,1	9,1
ЦФО	0,3	16,3	2,5	18,1	–4,3	–7,9	–11,9	1,7	–5,9	16,5
СЗФО	–1,9	8,0	–3,8	12,5	–2,6	–6,9	–7,4	3,5	–9,2	24,3
ЮФО	12,2	16,5	13,3	13,7	–3,6	–2,8	–7,6	3,0	–14,4	–7,0
СКФО	5,2	13,5	6,1	20,4	–3,9	–6,8	–4,1	–5,5	–12,5	–2,5
ПФО	0,4	7,1	0,4	8,3	–4,5	–11,1	–12,9	2,1	–6,9	–11,6
УрФО	–1,3	10,4	1,0	11,1	–6,0	–11,6	–11,7	–4,3	–10,3	14,1
СФО	0,6	8,7	–0,1	3,3	–3,8	–10,0	–11,4	–1,0	–16,6	6,3
ДВФО	5,5	14,1	–4,4	11,1	–1,0	–8,4	–1,5	2,6	–1,1	12,3

* Расчеты автора.

гах, кроме Уральского. В 2018 г. розничный товарооборот рос во всех округах, кроме Северо-Кавказского. Основным фактором, определяющим рост розничного товарооборота на фоне падающих доходов населения, оставалось потребительское кредитование. Тем не менее уровень потребительского спроса 2013 г. в 2018 г. был достигнут только в Дальневосточном округе. В Уральском округе розничный товарооборот в 2018 г. по отношению к 2013 г. упал на 16,4%, в Сибирском – на 13,5%.

Наиболее устойчивым к условиям 2015–2018 гг. оказался промышленный сектор. Индекс промышленного производства в 2015 г. снизился только в Северо-Западном и Уральском округах, в 2016–2018 гг. промышленность росла во всех округах. Уровень 2013 г. был превы-

шен в 2018 г. в среднем по РФ на 8,3%, в Центральном округе – на 18,3%.

Опережающими темпами росла добыча полезных ископаемых. Результатом завершения ряда крупных сырьевых проектов стал рост добычи полезных ископаемых по РФ в 2018 г. по сравнению с 2013 г. на 11%. В Южном федеральном округе добыча увеличилась на 68%, в Сибирском – на 23%, в Дальневосточном – на 30%. Экономика России выходит из кризиса 2015 г. еще более сырьевой: в 2016 г. доля добычи полезных ископаемых в ВРП составляла 9,6%, в 2018 г. – 12,9%. Обрабатывающий сектор экономики в гораздо большей мере ориентирован на внутренний спрос. Падение в обработке в 2015 г. произошло в Северо-Западном, Сибирском, Дальневосточном округах, в 2016 г. – в Сибирском, однако в 2018 г. докризисный уровень 2013 г. был превышен во всех округах. Доля обрабатывающих производств в структуре ВВП немного увеличилась, отмеченный выше сдвиг в структуре ВВП в пользу добычи полезных ископаемых произошел за счет снижения доли операций с недвижимым имуществом.

Таким образом, говорить о восстановлении экономики на уровне показателей 2013 г. пока не приходится, реальные доходы населения и потребительский спрос не достигли докризисного уровня. Инвестиционный спрос превысил уровень 2013 г. в Центральном, Северо-Западном и Уральском федеральных округах, в которых значительную долю составляют инвестиции госкомпаний и бюджета. Опубликованные к настоящему времени среднесрочные прогнозы⁶, включая прогноз Минэкономразвития России, не предполагают сколько-нибудь существенных изменений в экономической динамике в ближайшие два-три года.

⁶ См.: *Прогноз экономического развития России на 2018–2024 годы*. Декабрь 2018 г. Институт исследований и экспертизы ВЭБ РФ. – URL: https://inveb.ru/...article/57/Prognoz_2018-12-10.pdf; *Квартальный прогноз*. Выпуск № 43. ИНП РАН, 2018. – URL: <http://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vypusk-43/>; *Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года*. Принят Правительством РФ 20.09.18. – URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593/prognoz24svod.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593>.

* * *

Все экономические кризисы неравномерно накладывались на пространство, регионы отличались друг от друга по времени вхождения в кризис и выхода из него, по глубине падения производства и темпам восстановления экономического роста. В основе всех трех российских кризисов лежат внутренние противоречия и диспропорции, сформировавшаяся в стране экспортно-сырьевая модель экономического роста оказалась чрезвычайно чувствительной к внешним шокам. Кризисное падение во всех случаях начиналось с регионов, в наибольшей мере зависящих от внешнеэкономической конъюнктуры: со столичных агломераций и нефтегазодобывающих регионов. Однако более глубокий спад производства и более медленное восстановление экономики отмечались в регионах, ориентированных на внутрисистемный спрос.

Одним из механизмов адаптации к кризисам является изменение пропорций распределения доходов между домохозяйствами и бизнесом, которые далее трансформируются в потребительский и инвестиционный спрос и определяют динамику последующего восстановления экономики. Перераспределение доходов в пользу бизнеса за счет девальвации и относительного сокращения оплаты труда, происходящее в кризисы, не приводит к пропорциональному росту инвестиций в экономику регионов. Роль прибыли как драйвера экономического роста ограничивается дисбалансом между финансовым и реальным секторами экономики, повышенной склонностью бизнеса к валютным инвестициям вместо производственных.

После кризиса 2009 г. экономический рост принял затухающий характер, масштабы падения в кризис сократились, темпы восстановления также невысоки. Ситуация 2015–2018 гг., когда произошли небольшие отклонения от нулевых темпов в отрицательную и положительную стороны, говорит скорее о стагнации производства. Поэтому для восстановления экономического роста необходима экономическая политика, обеспечивающая выход из стагнации и стимулирующая рост.

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Экономика России: от стагнации к рецессии // Деньги и кредит. – 2016. – № 5. – С. 10–20.
2. Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. – 2016. – № 6. – С. 5–35.
3. Гранберг А.Г., Михеева Н.Н., Еришов Ю.С., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суспицын С.А., Минакир П.А. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 69–101.
4. Дубинин С.К. Финансовый кризис 2014–2015 гг. // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – С. 219–205.
5. Еришов Ю.С. Пространственный аспект российской экономики и перспектив ее развития: до и после кризиса // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2. – С. 129–153.
6. Зубаревич Н.В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 23–31.
7. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. – 2012. – № 6 (57). – С. 6–18.
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – С. 226–230.
9. Зубаревич Н.В. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? // Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития. – М.: ИП Матушкина И.И., 2018. – С. 25–36.
10. Ивантер В.В. Перспективы экономического развития России // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 3. – С. 3–6.
11. Ивантер В.В., Говтвань О.Дж., Гусев М.С. и др. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1. – С. 3–9.
12. Клепач А.Н. Уроки современных кризисов для экономического развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – С. 210–218.
13. Кузнецова О.В. Бюджеты Москвы и Санкт-Петербурга: сравнительный анализ // Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития. – М.: ИП Матушкина И.И., 2018. – С. 9–24.
14. Кузнецова О.В. Москва как объект федеральной региональной политики // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / Под ред. А.Г. Коровкина. – М., 2016. – С. 606–621.
15. Лякин А.Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник СПбГУ. Сер.: Экономика. – 2018. – Т. 34, вып. 1. – С. 4–25.

16. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. – 2018. – № 1. – С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015.
17. Новиков А.В., Новикова И.Я. Экономический рост и инвестиционная деятельность в России: прогнозы и реальность // ЭКО. – 2019. – № 2. – С. 104–122. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-2-104-122.
18. Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: научный доклад / ИНИП РАН; ИЭОПП СО РАН. – М.: ИД «Международные отношения», 2018. – 69 с.
19. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России / Под ред. В.В. Ивантера. – М.: Научный консультант, 2017. – 196 с.
20. Экономический кризис в России: экспертный взгляд // Вопросы экономики. – 2009. – № 4. – С. 4–30.
21. Esteban J. Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis // Regional Science and Urban Economics. – 2000. – No. 30 (3). – P. 353–364.
22. Knudsen D.C. Shift share analysis: further examination of models for the description of economic change // Socio-Economic Planning Sciences. – 2000. – No. 34 (3). – P. 177–198.

Информация об авторе

Михеева Надежда Николаевна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Москва, Д-418, Нахимовский просп., 47, mikheeva_nn@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20190203

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 2 (102), p. 56–79

N.N. Mikheeva

ECONOMIC DYNAMICS OF RUSSIAN REGIONS: CRISES AND WAYS OF RESTORING GROWTH

The article considers the main features of the economic crises of 1998, 2009, and 2015, and analyzes the dynamics of the main indicators of the socio-economic development of the regions in and out of the crisis. It is shown that the foundation of all crises is structural factors: imbalances in the sectoral structure, a weak financial sector of the economy, and weak institutions.

The resource-oriented economy model proved unsustainable to external shocks. In all the cases, the crisis drop began in regions most dependent on external economic conditions: metropolitan agglomerations and oil-and-gas producing regions. However, a deeper decline in production and slow economic recovery were observed in regions focused on domestic demand. After the 2009 crisis, the magnitude of fluctuations in growth rates decreases in all federal districts. Production does not drop as far during the crisis, but its subsequent rise is also low. We evaluate the impact of national trends and features of production structure in regions on the regional economic dynamics. The article shows an increased interregional differentiation of growth rates under crisis and an increased value of regional factors proper. The resilience of regional economies to crisis shocks is determined by regional factors contribution. We consider the proportions of income distribution between households and businesses, as their changes determine the dynamics of consumer and investment demand. It is shown that transferring income towards businesses is not a factor for investment growth. The regional structure of investment demand has no direct correlation with the structure of business income. The peculiarity of the 2015 economic crisis is that final demand adapted to external shocks and the reduced post-devaluation ruble exchange rate by compressing both investment and consumer demand. The real sector of the economy shows the greatest resistance to the crisis; pre-crisis industrial indicators in 2018 are exceeded in all federal districts.

Keywords: economic crisis; economic recovery; regional growth; household income; business income; consumer demand; investment

For citation: Mikheeva, N.N. (2019). Ekonomicheskaya dinamika rossiyskikh regionov: krizisy i puti vosstanovleniya rosta [Economic dynamics of Russian regions: crises and ways of restoring growth]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (102), 56–79. DOI: 10.15372/REG20190203.

References

1. Aganbegyan, A.G. (2016). Ekonomika Rossii: ot stagnatsii k retsessii [Russian economy: from stagnation to recession]. Dengi i kredit [Money and Finance], 5, 10–20.
2. Akindinova, N.V., Ya.I. Kuzminov & E.G. Yasin. (2016). Ekonomika Rossii: pered dolгим perekhodom [Russia's economy: Before the long transition]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 6, 5–35.

3. *Granberg, A.G., N.N. Mikheeva, Yu.S. Ershov, V.V. Kuleshov, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov, S.A. Suspitsyn & P.A. Minakir.* (2009). Vozdeystvie mirovogo krizisa na strategiyu prostranstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [World crisis and Russian spatial socio-economic development strategy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4, 69–101.
4. *Dubinina, S.K.* (2015). Finansovyy krizis 2014–2015 gg. [Financial crisis 2014–2015]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2 (26), 219–205.
5. *Ershov, Yu.S.* (2010). Prostranstvennyy aspekt rossiyskoy ekonomiki i perspektivy ee razvitiya: do i posle krizisa [Differences in consequences of the crisis across regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2, 129–153.
6. *Zubarevich, N.V.* (2015). Krizisy v postsovetsskoy Rossii: regionalnaya proektsiya [Crises in Post-Soviet Russia: a regional projection]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 1 (47), 23–31.
7. *Zubarevich, N.V.* (2012). Renta stolichnogo statusa [Rent of capital status]. *Pro et Contra*, 6 (57), 6–18.
8. *Zubarevich, N.V.* (2015). Strategiya prostranstvennogo razvitiya posle krizisa: ot bolshikh proektov k institutsionalnoy modernizatsii [Spatial strategy after the crisis: from the big projects to institutional modernization]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2 (26), 226–230.
9. *Zubarevich, N.V.* (2018). Ekonomicheskie i byudzhetye preimushchestva Moskvy: kak oni formiruyutsya i ispolzuyutsya? [Economic and budget advantages of Moscow: how are they formed and used?]. In: *Staraya i novaya Moskva: tendentsii i problemy razvitiya* [Old and New Moscow: Trends and Problems of Development]. Moscow, FE I.I. Matushkina, 25–36.
10. *Ivanter, V.V.* (2018). Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Prospects of economic development in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 3, 3–6.
11. *Ivanter, V.V., O.Dzh. Govtvan, M.S. Gusev et al.* (2018). Sistema mer po vosstanovleniyu ekonomicheskogo rosta v Rossii [System of measures to recovery of economic growth in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1, 3–9.
12. *Klepach, A.N.* (2015). Uroki sovremennykh krizisov dlya ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Lessons from modern crisis for economic development in Russia]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2 (26), 210–218.
13. *Kuznetsova, O.V.* (2018). Byudzhety Moskvy i Sankt-Peterburga: sravnitelnyy analiz [Budgets of Moscow and St. Petersburg: a comparative study]. In: *Staraya i novaya Moskva: tendentsii i problemy razvitiya* [Old and New Moscow: Trends and Problems of Development]. Moscow, FE I.I. Matushkina, 9–24.

14. *Kuznetsova, O.V. & A.G. Korovkin* (Ed.). (2016). Moskva kak obyekt federalnoy regionalnoy politiki [Moscow as an object of federal regional policy]. Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Proceedings of the Institute of Economic Forecasting RAS]. Moscow, 606–621.
15. *Lyakin, A.N.* (2018). Tri krizisa po odnomu stsenariyu [Three crises in the Russian economy and one chain of events]. Vestnik SPbGU. Ekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies], Vol. 34, No. 1, 4–25.
16. *Minakir, P.A.* (2018). Rossiyskiy krizis: ozhidaniya protiv faktov [Russian crisis: expectations against facts]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 1, 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015.
17. *Novikov, A.V. & I.Ya. Novikova.* (2019). Ekonomicheskiy rost i investitsionnaya deyatel'nost v Rossii: prognozy i realnost [Economic growth and investment activity in Russia: forecasts and reality]. EKO [ECO], 2, 104–122.
18. *Regionalnye aspekty dolgosrochnoy ekonomicheskoy politiki: nauchnyy doklad* [Regional aspects of the long-term economic policy: scientific paper]. (2018). Institute of Economic Forecasting RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 69.
19. *Ivanter, V.V.* (Ed.). (2017). Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii: monografiya [Structural and Investment Policy to Ensure Economic Growth in Russia: Monograph]. Moscow, Nauchnyy konsultant Publ., 196.
20. *Ekonomicheskiy krizis v Rossii: ekspertnyy vzglyad* [Economic crisis in Russia: expert view]. (2009). Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 4, 4–30.
21. *Esteban, J.* (2000). Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis. Regional Science and Urban Economics, 30 (3), 353–364.
22. *Knudsen, D.C.* (2000). Shift Share Analysis: further examination of models for the description of economic change. Socio-Economic Planning Sciences, 34 (3), 177–198.

Information about the author

Mikheeva, Nadezhda Nikolaevna (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky av., D-418, Moscow, 117418, Russia, e-mail: mikheeva_nn@mail.ru).

Поступила в редколлегию 14.03.2019.

После доработки 14.03.2019.

Принята к публикации 18.03.2019.